

Чжао Ба, не раздумывая, взял палочки и положил двум мальчишкам по большому куску мясной кости, а потом обратился к Фан Шэну:

— Брат Шэн, я позабочусь, чтобы Цзинь-эр поел, а ты уж помоги мне наших маленьких гостей угостить. Как-никак в гости пришли — нельзя, чтобы голодными остались.

Фан Шэн тоже поддакнул:

— Ешьте спокойно, вы же не в чужом доме. Мама ваша ругать не станет.

Даже невестка Ван вставила слово:

— Ешьте, не стесняйтесь. У дяди Фана и дяди Ду — всё равно что дома.

Только после этого двое малышей осмелились приняться за еду по-настоящему.

В компании и впрямь есть вкуснее. Цзинь-эр умял на полчашки риса больше обычного. Ду Чжунпин не стал давать ему много мяса, уговорил выпить мисочку горячего супа, а потом отпустил играть.

Вскоре все поели. Женщины проворно убрали со стола и собрались по домам. Невестка Ван, беспокоясь, что дома пусто, тоже решила уходить и позвала ребятишек.

Но Цзинь-эр так здорово играл с Эрчжу, что Ду Чжунпин предложил оставить обоих мальчиков до вечера. Невестка Ван с радостью согласилась, только наказала не шалить, и ушла.

Цзинь-эр, желая похвастаться, принёс «Троесловие», по которому Ду Чжунпин начал его обучать. Тыча коротеньким пальчиком в иероглифы, он принялся читать: «Жэнь чжи чу, син бэнь шань...» Эрчжу, засунув палец в рот, смотрел на него с благоговением: вот это да, малыш, а уже грамотный! Даже Дачжу прислушался. Хоть Цзинь-эр и знал всего несколько строчек и твердил их без конца, обоим это не надоедало.

Ду Чжунпину стало смешно глядеть на это. Цзинь-эр, немного почитав, и сам засмутился, поднял на него глаза. Тогда Ду Чжунпин решил заодно и старших мальчиков немного поучить — потешил своё учительское самолюбие.

Пришедшие помочь оказались людьми совестливыми: разделали и свинью, и барана, всё как следует обработали. Даже самые хлопотные части — голову и ноги — вычистили так, что обеим семьям больше ни о чём заботиться не пришлось.

Как и ожидалось, раз Ду Чжунпин не остался с гостями, все почувствовали себя вольготнее. Смеялись, выпивали, блюда по несколько раз разогревали — веселились от души.

Староста был особенно рад. Эти люди наконец-то здесь укоренились, многие уже семьи обрели, через год-другой ребятишки появятся — жить станет ещё краше. Он наконец мог считать, что оправдал доверие братьев, которые за ним пошли.

Пир удался на славу, многие перебрали. Те, кто жил поблизости, поддерживая друг друга, пошатываясь, поплелись по домам. Старосту под руки вёл Дачжу, а Эрчжу он вперёд отправил — предупредить домашних. От помощи Фан Шэна наотрез отказался.

Чжао Ба и Ду Ань тоже изрядно нагрузились. Фан Шэн с Ду Чжунпином, взяв Ду Аня под руки, оттащили его сначала домой, потом Фан Шэн вернулся присмотреть за Чжао Ба.

Ду Ань в пьяном виде был смирным — просто спал и не буянил. Ду Чжунпин снял с него обувь, взгромоздил на кан, укрыл одеялом. Цзинь-эр никогда не видел, чтобы дядя Ань лежал с красным лицом без движения, с любопытством подобрался поближе, но тут же отшатнулся, сражённый перегаром:

— Фу! Дядя Ань воняет!

Ду Чжунпин едва не рассмеялся. Решил, что, когда Ду Ань протрезвеет, обязательно над ним подшутит: мол, тобой даже Цзинь-эр пренебрёг. Ду Ань обычно души не чаял в мальчишке, чтобы уговорить его ночевать вместе, частенько готовил приторно-сладкие лакомства. Если бы не его, Ду Чжунпина, вмешательство, у ребёнка зубы бы уже посыпались.

Отведя Цзинь-эра в сторонку, чтобы не будить Ду Аня, он поставил на крючок над жаровней котелок с водой — скоро нужно будет заварить покрепче чаю.

Здесьнее вино было зерновым, если перебрал — поспишь немного, и всё проходит. Оба, впрочем, выпить умели. Прошло чуть больше часа — Ду Ань проснулся. Увидев это, Ду Чжунпин развёл в тёплой воде мёду, подал ему, а потом насыпал в чайник заварки и залил крутым кипятком.

Ду Ань, отпив воды, окончательно пришёл в себя.

— Перебрал, что и говорить, — пробормотал он. — Никогда столько не пил. Разошлись в разговоре — не удержался. В другой раз нельзя так.

Ду Чжунпин ответил:

— Сейчас праздник, вот и позволили. В обычные-то дни у всех дел по горло, кто станет с тобой вино распивать?

И добавил:

— А ты встань, походи, пропотей немного. Потом дверь откроем, проветрим. Я боялся, тебя просквозит, голова потом раскалываться будет, — вот и не открывал. А теперь в избе спиртом несёт.

Ду Ань поспешно поднялся, прошёлся по полу пару кругов. Увидев, что Цзинь-эр играет и на него не смотрит, попытался приласкаться. Но едва он приблизился, малыш прикрыл нос пухлыми ладошками:

— Воняет!

Это был сокрушительный удар. Ду Чжунпин рядом так и покатывался со смеху, злорадствуя.

Ду Ань тут же налил в таз тёплой воды, как следует умылся, потом взял бамбуковую соль, почистил зубы, прополоскал рот. Понюхал рукав — и переделся в чистую верхнюю одежду. Привёл себя в порядок — и снова к Цзинь-эру.

Пока он умывался, Ду Чжунпин укутал Цзинь-эра в тёплую меховую одежонку и распахнул дверь, чтобы проветрить. И правда, как только дверь открылась, в избе сразу посвежело. Пока сидели внутри, не очень-то и замечалось, а с притоком воздуха тут же ощутился тяжёлый перегарный дух.

Повернувшись, он увидел, как Ду Ань уговаривает Цзинь-эра:

— ...уже не пахнет, понюхай-ка.

И тянется к мальчику. Цзинь-эр, зажимая нос, отстраняется и, завидев Ду Чжунпина, тянет к нему ручки:

— Папа, на ручки! Дядя Ань воняет!

Ду Чжунпин, счастливо ухмыляясь, подхватил малыша. Белый круглолицый комочек в меховой одежке — просто загляденье! Ду Ань буркнул недовольно:

— Маленький неблагодарный. Зря я тебя любил.

Чуть погодя Цзинь-эр, видимо, решил, что от Ду Аня и вправду больше не пахнет, да и о дядиных лакомствах вспомнил, — наконец-то позволил взять себя на руки. Ду Ань, покачав его немного, наобещал разных сладостей и, получив разрешение чмокнуть в щёчку, снова расплылся в улыбке.

Вскоре и Чжао Ба привёл себя в порядок и вместе с Фан Шэном пришёл посидеть. Ду Чжунпин подумал, что будь Чжао Ба один, он бы ни за что не вспомнил, что после попойки надо умыться. Многие в деревне так и делали. Но Фан Шэн, с тех пор как медицину изучать начал, к чистоте пристрастился, вот и Чжао Ба к ней же приучил.

Поболтали они недолго — скоро уже и ужин готовить пора. Поскольку в обед ели жирное и пили, аппетита ни у кого особо не было. Ду Чжунпин достал немного риса, залил большим количеством воды и сварил жидкую рисовую кашу.

Рис этот купили перед Новым годом в городе, должно быть, свежего урожая. Как закипел — аромат пошёл по избе. Ду Чжунпин, опасаясь, что каша несытная, разбил в неё несколько яиц, сварил их всмятку.

И правда, несколько глотков тёплой каши — и аппетит понемногу вернулся. Ду Ань, только что опозоренный перед Цзинь-эром, старался теперь ему угодить: подсыпал в его порцию сахара, размял нежное яйцо палочками и покормил малыша. Цзинь-эру, конечно же, это понравилось.

Ду Чжунпин про себя посмеивался, не вмешивался, беседовал с Чжао Ба и Фан Шэном. Фан Шэн, заметив, что Ду Ань сегодня как-то особенно старателен с Цзинь-эром, спросил, в чём дело. Ду Чжунпин, невзирая на то, что Ду Ань ему отчаянно мигал и делал знаки, со смехом рассказал про послеобеденный инцидент. Все дружно рассмеялись.

Со следующего дня все принялись за дела ещё усерднее. Чжао Ба с Ду Анем отправились в тофушную за заранее заказанными двумя плитками тофу. Хозяйка, раздававшая тофу покупателям, едва успевала поворачиваться, но всё равно была рада. Перекинулась с Чжао Ба парой слов — и снова к делам. Поскольку на праздники тофушная закрывалась — до Пятнадцатого числа первого месяца работать не будут, — те, у кого были лишние деньги, закупали тофу впрок. Зимой овощей мало, лишнее блюдо в хозяйстве не помешает, да и стоит недорого.

«Двадцать восьмого — тесто месим». В двадцать восьмой день лунного месяца обе семьи замесили по большому корыту теста и поставили их у края кана прогреваться, чтобы на следующий день делать паровые булочки. Эти булочки были не только для еды — их, с нанесённой красной точкой, полагалось подносить предкам в качестве жертвы.

По местному обычаю, с первого по четвёртое число первого месяца нельзя было прикасаться к кухонному ножу и половнику, поэтому всю еду на эти дни готовили заранее. «Запрет» снимался только в пятый день, когда «рубили злодеев». Посовещавшись, они решили налепить побольше цзяоцзы и вынести на мороз — потом останется только сварить.

Ещё полагалось в тридцатую ночь есть цзяоцзы с овощной начинкой — чтобы весь следующий год прошёл в мире и спокойствии, без ссор. Но зимой-то мяса найти проще, чем овощей. В конце концов Ду Ань предложил два варианта: морковь с грибами да капуста с тофу и немного фунчозы. С мясными начинками проще: свинина с капустой, свинина с квашеной капустой, баранина с луком — и так далее.

Заранее приготовили и мясные фрикадельки, и обрезки на косточках — потом только разогреть. Всю эту работу нужно было завершить до тридцатого числа. В тридцатый же день полагалось совершать жертвоприношения предкам, подносить дары, сжигать бумажные деньги, да ещё и новогодний ужин на целый стол готовить — дел невпроворот, ни на что другое времени не оставалось.

<http://bllate.org/book/16286/1467490>